

КАТЕГОРИЯ АППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена выявлению релевантных признаков категории аппозиции в современном немецком языке.

Ключевые слова: аппозиция, связанная аппозиция, свободная аппозиция, композитная аппозиция, рестриктивное определение, нерестриктивное определение, функция идентификации, аппозитив, аппозиционный сдвиг, “расширяющие” имена.

Статтю присвячено виявленню релевантних ознак категорії апозиції в сучасній німецькій мові.

Ключові слова: апозиція, зв'язана апозиція, вільна апозиція, композитна апозиція, рестриктивне визначення, нерестриктивне визначення, функція ідентифікації, апозитив, апозиційне зрушення, “розширюючі” імена.

This article is devoted revealing of relevant signs of a category of apposition in the modern German language.

Key words: apposition, coupled apposition, loosely apposition, appositional compounds, restrictive attribute, non-restrictive attribute, identification function, appositive, juxtaposition, expanding nouns.

Теме аппозиции уделялось достаточно внимания в лингвистической литературе. При этом многие исследователи отмечали неопределенность границ приложения, что в значительной мере объясняется отсутствием единых критериев, на основе которых происходит выделение данного феномена среди других языковых явлений.

В данной статье предпринимается попытка выделения релевантных признаков категории аппозиции в современном немецком языке, позволяющих отграничивать аппозиционные структуры от сходных с ними конструкций.

В научной литературе можно отметить наличие двух основных точек зрения на грамматическую природу приложений, а именно:

- 1) приложение — подвид определения,

2) приложение — второстепенный член предложения, отличный от определения.

Традиционно аппозиционными считаются бинарные структуры, морфологическая принадлежность составных частей которых ограничена именами существительными или их эквивалентами, являющимися названиями одного и того же предмета, явления действительности.

По степени спаянности компонентов аппозиционных структур принято различать между *свободной* (обособленной) и *несвободной* (необособленной) аппозицией. Так А. А. Шахматов вводит различие *собственно приложения*, которое “сливается с господствующим словом в одно представление” (связанное приложение), и *придаточного приложения*, которое “поддерживает наличность двух моментов в возникающем благодаря приложению сложном представлении” (свободное приложение) [1: 273]. Основными критериями деления аппозиционных конструкций на свободные и несвободные (*связанные*) служат:

1) способность/неспособность группы аппозитива к расширению за счет факультативных распространителей;

2) интонационное оформление: слитное интонирование в случае одной акцентной группы у связанного приложения и разделенное паузами при наличии двух акцентных групп у свободного приложения, что обуславливается семантическим взаимоотношением между элементами аппозиции.

При этом обращает на себя внимание функциональная разнородность структурных единиц, причисляемых к аппозиционным:

1) модели с так называемым необособленным приложением относятся к области словосочетания — Professor Müller, die Stadt Rom;

2) модели, содержащие обособленное приложение, представляют собой конструкции, выходящие за рамки словосочетания — “Berlinga, das Gebiet um die Beringstraße, blieb auch auf dem Höhenpunkt der letzten Eiszeit gletscherfrei“ [2: 152];

3) определенные типы сложных слов (Appositional Compounds) — fisherman (англ.), Königinmutter (нем.).

Термин “приложение” указывает и на особый характер связи между определяемым и определением на началах параллелизма (О. С. Ахманова, В. Г. Адмони, Л. Зюттерлин, Г. Пауль, Г. Штарке, Г. Дроздовский, В. Мотш).

Определительные отношения, характерные для приложений, близки к предикативным и, в известной степени, из них вытекают,

ведь в генеалогическом плане приложение предположительно развилось из копулятивного предложения, в котором оно выступало в роли предикатива, а определяемое существительное — подлежащего. А. А. Шахматов прямо связывал возможность для существительного выступать в определительной функции с его способностью употребляться в качестве сказуемого [3: 279—280], ср.:

- *Max ist Student* im zehnten Semester.

→ Max, Student im zehnten Semester, arbeitet bei einer Firma.

(приложение)

Л. Теньер отмечал, что приложение “...чётко отличается, с одной стороны, от атрибутивного определения, с другой — от предикатива, которые связаны по вертикали с существительным — центром субстантивного узла; связь приложения с последним идёт не по вертикали, а, напротив, по горизонтали” [4: 179].

Как отличную от предикативной и атрибутивной А. А. Шахматов выделял связь аппозиционную, которая возникает в результате сопоставления господствующего представления о субстанции или явлении с другим представлением, по существу, однородным, но вызывающим представление о признаках, характерных для господствующего представления.

На эту особенность, когда при соположении двух имен одно из них приобретает признаковый характер, обращали внимание учёные еще со времен Древней Греции. Приобретение признакового характера одним из имён при их соположении ведёт, по мнению Е. С. Кубряковой, к возможности развития субстантивных значений в значениях атрибутивных в атрибутивной группе и в глагольные значения в группе предикативной [5: 39].

Особый статус приложения подтверждают и наблюдения А. А. Потебни, из которых следует, что оно имеет сходные признаки и с простым атрибутом и с предикативным атрибутом. С простым атрибутом приложение роднит то, что и простой атрибут, и приложение выражают готовые признаки предмета, данные до глагольного действия, и, следовательно, оба они могут быть противопоставлены предикативному атрибуту, как выражению признака, вновь возникающего в результате действия в главном предложении [6].

С другой стороны, приложение, так же как и предикативный атрибут является определением, ограниченным во времени, чего нельзя сказать о простом атрибуте. Таким образом, существенным признаком предикативного определения и приложения является их времен-

ная характеристика: *приложение выражает не постоянный признак, а ограниченный во времени.*

Неоднозначно решается вопрос относительно семантики, которой наделено приложение. Большинство грамматистов, рассматривая приложение как частный случай определения, считает, что оно, в отличие от других типов определения, не указывает на качество или свойство определяемого, а даёт ему другое название и часто уточняет его содержание. Это значит, что приложение может не только определять, характеризовать, но и пояснять, уточнять, а также *идентифицировать* главное слово.

В разных грамматиках предлагается в качестве релевантных для приложения список разных признаков. Как общие, повторяющиеся в большинстве случаев, можно назвать следующие:

1) бинарность конструкции: выделение ведущего (*нуклеуса*) и зависимого (*сателлита*) компонентов;

2) субстантивность обоих компонентов — эти два пункта более-менее полно выполняются конструкциями обоих типов;

3) особый характер связи между компонентами аппозиционной пары на основе параллелизма, т. е. отличный от сочинения и подчинения, поскольку приложение генеалогически есть результат редукции копулятивного предложения с глаголом *sein/heißen*, поэтому отношения между компонентами в аппозиционной структуре должны напоминать отношения между подлежащим и сказуемым;

4) ведущим критерием аппозиции признаётся *коререферентность* её компонентов — нуклеуса и приложения, под которой понимается “отношение между компонентами высказывания (обычно именными группами), которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, т. е. имеют один и тот же референт” [7: 243]. Однако условие идентичной референтной соотнесенности обоих компонентов выполняется не всеми структурами, относимыми традиционно к аппозиционным;

5) коререферентность обоих компонентов аппозиционной конструкции делает возможным их взаимозаменяемость без нарушения семантики несущего предложения, что на самом деле возможно не всегда, а только в случае выполнения группой аппозитива (приложения) функции *идентификации*, т. е. когда денотат, представляемый главным словом конструкции, называется приложением по-другому, ср.:

— Thomas Mann, (=) der Autor von “Buddenbrooks”, wurde zum Nobelpreisträger.

— Thomas Mann, (≠) der große deutsche Schriftsteller, wurde zum Nobelpreisträger.

При строгом соблюдении этого условия количество структур, относимых традиционно к аппозитивным, заметно снизилось бы и возникла бы проблема, как трактовать обособленные конструкции с конкретизирующей или обобщающей семантикой, т. е. со значением уточнения, как усечённый вариант придаточных предложений или как-то ещё.

Некоторые лингвисты практикуют деление всех определений в зависимости от их прагматической задачи на *рестриктивные* и *нерестриктивные*. Задача *рестриктивных* определений состоит в *спецификации* (Spezifizierung) — отграничении и выделении объекта из числа сходных того же класса. К ним относятся и так называемые связанные приложения, где компоненты находятся друг с другом в родовидовых отношениях. Информация в группе аппозитива является семантически необходимой — без нее смысл высказывания не всегда ясен вне контекста, ср.:

- Der *Schriftsteller* besucht uns heute. — (Что за писатель?).
- Der *Schriftsteller Heyer* besucht uns heute.

Нерестриктивными определениями (аппозициями) предлагается именовать свободные приложения, в которых группа аппозитива отделяется от основного предложения парентетической интонацией, а на письме — запятыми, тире, поскольку аппозитив представляет второй, дополнительный логический предикат. Это значит, что информация, даваемая в аппозитиве, является необязательной, а лишь дополнительной, не влияющей на смысл всего предложения. Такие аппозитивные группы имеют своей целью пояснить, *охарактеризовать* (Charakterisierung).

Именно приложения в нерестриктивном употреблении рассматриваются рядом лингвистов (Seiler, Zifonun) как “собственно приложения”, поскольку считается, что только эти структуры полностью отвечают всем традиционно выделяемым релевантным признакам приложения [8; 9].

В отличие от них определения в рестриктивном употреблении вообще не являются приложениями, так как не удовлетворяют всем необходимым условиям. Считается, что отношение между компонентами так называемых связанных приложений следует скорее рассматривать как определительные, чем как аппозиционные.

При порождении нерестриктивных определений, т. е. собственно приложений, должны в качестве основных соблюдаться следующие условия:

1) компоненты именной группы должны быть *корелативны*, отсюда следует, что они не могут быть сочиненными, так как одно из условий сочинения — некорелативность сочетающихся компонентов;

2) оба компонента именной группы должны выполнять одну и ту же функцию по отношению к другим членам предложения, отсюда следует, отсутствие между ними отношения подчинения.

Согласно такой трактовке структуры типа “*der Schriftsteller Heyer*“ не могут быть отнесены к аппозиционным, поскольку один из компонентов в них выполняет нерелативную функцию (*der Schriftsteller*) и таким образом нарушается условие (1), и один из компонентов именной группы оказывается подчинённым другому, тем самым не выполняется условие (2).

Этот момент вносит определенные сомнения в прежний статус так называемых связанных аппозиций, в которых отношения между конституентами (нуклеус—сателлит) никогда не будут укладываться в формулу “*идентификация*”, предполагающую равнозначность семантических объёмов обоих конституентов ($HC_1 = HC_2$). В конструкциях связанных аппозиций один из компонентов (HC_2) способствуют максимальному сужению обобщённого значения другого компонента (HC_1) и наиболее точному выражению объекта реальности. Соотношение семантических объёмов компонентов в таких словосочетаниях выражается как при родо-видовых отношениях — целое—часть, то есть $HC_1 > HC_2$, и функция HC_2 будет больше тяготеть к определительной, а не аппозитивной.

Далее, сравнивая две большие группы структур, относимых к приложениям: — а) обособленные и б) необособленные, выделяется ещё несколько существенных отличий, ср.:

- “*Nur, Mascha, der Tochter, schien die Mutter verändert*” [10: 66].
- “*Ach, Sie sind also doch gekommen, wie nett, sagte sie und stellte ihm ihren Freund Glenn Birdsell vor*” [11: 248].

Для обособленной аппозиции характерна интонация парентезы и графическая выделенность (запятыми, тире) в рисунке несущего предложения, возможность выявления дополнительной, но не основной информации, сообщаемой приложением, при помощи слова “*übrigens*“ и элиминирования всей структуры приложения без ущерба для семантики несущего предложения. Это сближает аппозитив-

ные конструкции отчасти с парентезой. В структурном плане, однако, парентеза, как правило, предикативная конструкция, в отличие от невербальной аппозитивной вставки, которая представляет собой вторично-предикативную структуру. Кроме того, аппозитивная конструкция всегда сфокусирована на одном слове в главном предложении (а), в то время как парентеза может относиться к содержанию всего предложения в целом (b), ср.:

- Der Junge, (a) *Bernhard Gummer*, mit wulstigem Nacken und schräg ge-legtem Kopf — (b) *jeder bei uns kannte seinen sanften, freundlichen Schwachsinn* starrte auf den Karabiner (...)“ [12:37].

Для обособленного внесения постпозиционная контактность не является обязательным структурирующим моментом: при наличии у нуклеуса других постпозитивных определений обособленный вариант приложения займет в ряду постпозитивных суплементов и комплементов крайнее правое положение. Это значит, что обособленное приложение может быть и дистантным, ср.:

- “Die Reisenden in ihrem Abteil, *Landleute und Arbeiter*, boten Dobra von ihrem Frühstück an, einen Becher Limonade, Brot und kaltes Fleisch“ [13:319].

Кроме того, для обособленного варианта приложения непреложным требованием является его падежное согласование с нуклеарным существительным. Обособленный вариант приложения способен расширять свой объём за счёт факультативных распространителей, ср.:

- “Und sie fand zwei Männer, *Vater und Sohn*, die mit zweiundzwanzig Tonnen Rohkaffee nach München unterwegs waren (...)“ [14: 329].

- Und sie fand zwei Männer, *den alten Vater* und *seinen* zwanzigjährigen Sohn, (...).

Необособленное приложение, получившее название “связанного” (der Lehrer Schmidt), ведёт себя иначе нежели обособленное, свободное приложение. В плане позиционного оформления модель связанного приложения допускает только контактное положение её компонентов, другими словами, соположение компонентов, поэтому в современных грамматиках к этому типу приложения применяется термин “*Juxtaposition*” (от латинского “*juxtapositio*” — соположение, сдвиг) — “аппозиционный сдвиг” [15; 16].

Синтаксический приём номинального соположения широко используется во многих языках. Так, в аморфных языках отсутствие морфологических форм компенсируется контактным положением зависимого члена. В немецком языке этот синтаксический приём

выделялся В. Г. Адмони в отличительный признак синтаксиса современного немецкого языка, когда в предложении в непосредственном соседстве друг с другом ставится то, что связано грамматически и семантически [17: 7].

На эту особенность указывал и Х. Бринкман, подчеркивая, что языковые элементы, расположенные во временной последовательности, образуют линейное единство, не требующее — кроме параллельного (последовательного) построения — применения дополнительных грамматических средств. Поэтому наиболее точно отражающим суть данного явления термином Х. Бринкман считал “сукцессию” (Sukzession — наследование, последовательность) [18: 625].

Наряду с обязательной постпозитивной контактностью с нуклеусом другим признаком связанного приложения является его неспособность к расширению своего объёма.

Связанное приложение интонируется с главным словом слитно, как правило, с главным ударением на крайнем правом компоненте (так же как и атрибутивные субстантивные группы с постпозитивным определением). Узлом включения всей группы в несущее предложение будет всегда только один компонент аппозиционной группы — нуклеус, и форма нуклеарного существительного абсолютно не влияет на падежное оформление зависимого аппозитивного компонента — он всегда будет употребляться в “монофлективе”, формально совпадающем с именительным падежом, ср.:

— die Vorlesung des Professors *Schmidt* = (именительный падеж при *гегитивной атрибутивной группе*).

Для группы связанного приложения, включающего антропони́мы — имя нарицательное в качестве первого компонента, и имя собственное — в качестве второго компонента, присуща обратимость. Это значит, что синтаксические функции компонентов внутри таких синтаксических групп могут распределяться по-разному, в зависимости от их общего грамматического оформления. Так, при наличии у первого компонента — имени нарицательного — детерминатива именно ему будет отводиться роль грамматического ядра: *der Lehrer Schmidt* — *des Lehrers Schmidt*. В случае безартиклевого оформления всей группы роль ведущего берёт на себя второй компонент — имя собственное: *Lehrer Schmidt* — *Lehrer Schmidts Buch*.

Существующие различия между двумя моделями словосочетаний, традиционно трактовавшихся до недавнего времени как свободное и связанное приложения, совершенно справедливо рассматривают-

ся современными лингвистами как сходные, но не вполне идентичные явления, что, в свою очередь, повлекло за собой необходимость использования терминов, более точно передающих их сущность. За обособленным вариантом закрепляется термин “аппозиция” (Brinkmann, Weinrich, Engel, Zifonun, Брандес). Для необособленного приложения — наряду с “аппозиционным соположением, сдвигом” (Brinkmann, Weinrich, Drosdowski) предлагается термин “распространяющее, дополняющее, расширяющее имя” (Erweiterungsnomen) [19: 2043].

Обобщая все выше изложенное, под “аппозицией” в данной работе понимается выделенный интонацией и графически, согласующийся вариант приименной субстантивной группы, а также других частей речи, способный к расширению своего объёма за счёт факультивных уточнителей, выполняющих семантическую функцию идентификации.

Структуры, трактовавшиеся до недавнего времени как “связанные приложения” представляют собой отличные от собственно аппозиции образования и будут именоваться как “расширяющие имена”, под которыми понимаются нераспространённые другими атрибутами или детерминативами супплененты к имени. Они соотносятся с одним нераспространённым существительным, примыкают к нему постпозитивно, монофлексивно (nomen invariants) и выполняют функцию “рестриктивных модификаторов”, т. е. определительную.

Результаты данного исследования могут быть использованы как материал для лекционных курсов по грамматике современного немецкого языка.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — М.: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
2. Spiegel. — 1977. — Heft 3.
3. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — М.: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса/ Пер. с фр. И. М. Богуславского и др.; Вступ. статья и общая редакция В. Г. Гака — М.: Прогресс, 1988. — 654 с.
5. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978. — 115 с.
6. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М.: Учпедгиз, 1958.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор Ярцева В. Н. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
8. Seiler H. Relativsatz, Attribut und Apposition. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. — 213 S.
9. Grammatik der deutschen Sprache/ Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. — Berlin; New-York: de Gruyter, 1997. — Bd. 3. — S. 1685–2569.

10. Heiduczek W. Reise nach Beirut. Verfehlung / Zwei Novellen. — Halle; Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1986. — 162 S.
11. Wälsch M. Brandung. — Berlin; Leipzig: Aufbau-Verlag, 1986. — 300 S.
12. Lenz S. Motivsuche / Erzählungen. — Berlin; Leipzig: Aufbau-Verlag, 1988. — 335 S.
13. Там же.
14. Там же.
15. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-Verlag, 1993. — 1111 S.
16. Deutsches Universalwörterbuch / Unter der Leitung von G. Drosdowski. — Mannheim; Wien; Zürich, 1989. — 1816 S.
17. Адмони В. Г. Основные тенденции развития синтаксического строя в современном немецком языке// Иностранные языки в школе. — 1970. — № 5. — С. 3—11.
18. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. — Düsseldorf: Schwann, 1971. — 939 S.
19. Grammatik der deutschen Sprache/ Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. — Berlin; New-York: de Gruyter, 1997. — Bd. 3. — S. 1685—2569.